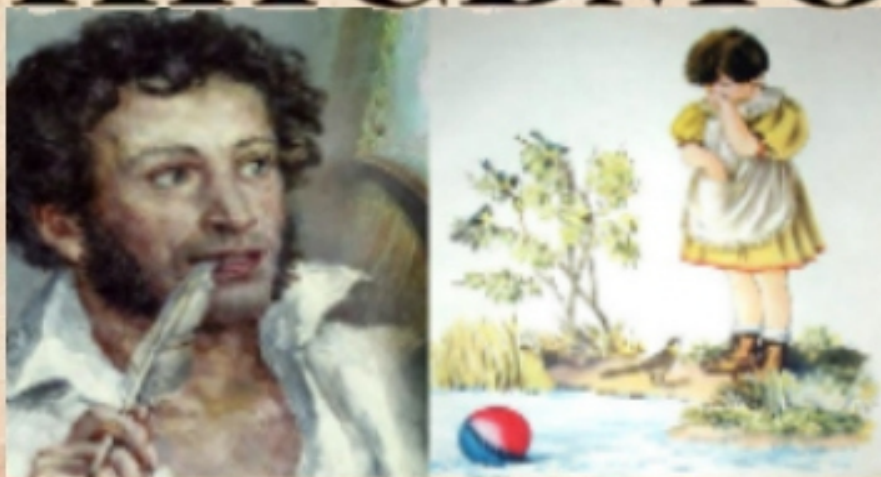

Сергей Пулинец

ПИСЬМО

ТАТЬЯНЕ

1970

ПИСЬМО ТАТЬЯНЕ

Прошу простить за почерк мой,
Поскольку вынужден писать я,
Пардон, почти совсем без платья,
В постели лёжа вверх башкой.
Прошло всего лишь две недели
С тех пор, как здесь кайфую я,
Осмыслив бренность бытия, -
И оказался я в постели.
Всё было просто, словно в школе,
Когда по краю я прошёл.
(Понятно, речь здесь о футболе),
И так судьбу свою нашёл.
Глава в главу – но где же кровь?
Удар попал не в глаз, а в бровь.

И вот уже вторые сутки
Мой глаз терзает злая боль,
А все вокруг настолько чутки,
Что я хочу спросить: Доколь?
Доколь валяться мне на койке,
Как дохлой кошке на помойке,
Где врач колдует, словно джин:
От всех болезней – аспирин.
И злость шипит, как пар из крана –
Лежу прообразом совы,
И это – в шаге от Москвы,
В руках кретина Эйзермана.
Но что-то узок мыслей круг,
Уж две строфы – все про недуг.

Как физики, начнём с начала,
Хоть я успел начать с конца,
Ведь интересного – немало
В армейской жизни Пулинца.
За оплешивевшим забором
С давно заржавевшим запором,
В гвардейский титул посвящён
Стоял секретный дивизьон.
Я спал в палатке, временами
Глядя на мир сквозь левый глаз,
Но вдруг пришло письмо от Вас,
И мир качнулся пред очами...
Восторгу тут предел нет –
И правый глаз увидел свет.

Глава 1.

О Боже, что увидел он,
То трудно передать словами,
Мир повернулся вверх ногами
И стал похож на страшный сон.
Для всех остался он нормальным –
Смешным немного и банальным,
Наш, мощью Вооруженных сил
Мир наизнанку свёрнут был.
Москва в пыли с авто изжогой
Вдруг превратилась в райский сад,
Из бани, через лес дорога
Для нас была дорогой в ад.
Итак, с той утренней зари
Взглянул на мир я изнутри.

О том, как новый мир нас встретил,
Я вам не стану говорить –
Все просто, словно трижды три –
Пожалуй, я начну с портретов.
Писать о каждом – слишком много
Ненужных слов. В зелёный цвет
Нас всех убрали, и, ей богу,
О всех писать резона нет.
По ходу дела многих встретим,
Ну, а сейчас слегка отметим
Лишь мысль, известную давно,
Что сверху плавает г...но.
В субординации чтоб без изъяна,
С трех звёзд начнём мы, с Эйзермана.

Отыщем след среди сражений,
Огня и ужасов войны,
И вы должны быть, без сомнений,
Так, как и я, удивлены.
Ах время, время золотое!
Ужели ждёт и нас такое?
Как изменён тобой семит!
Ах, что ты делаешь с людьми?
В его могучую десницу
Без колебания вручён
Был сразу целый батальон
Лихих бойцов – и все девицы!
Победный май! Представьте вы –
Девиц уж не было, увы.

Каков орёл, но что случилось?
Куда девалась эта прыть?
Уж море рек с тех пор пролилось,
Того, что есть – не изменить.
Иль неприятности по службе
Походку сделали прислужной,
А, может, солнечный удар
Занудным сделал речи дар.
Для всех стремится быть удобным,
Начальство – в дрожь, купанье -в дрожь.
Пустяк – настырный, словно вошь,
А дело обойдёт съедобно.
Портрет – в строке черты видны –
От страха полные штаны.

Одной звезды уже лишились,
Осталось две. Ну что ж, начнём,
И подполковника служивость
Мы, как по нотам, обпоём.
Каким путём, законно спросим,
Стал подполковником «Пиздосин»?
У нас в стране они ценны:
«Златым рукам» ведь нет цены.
Руководит дивизионом,
Построив утром в стройны ряд,
И «так сказать», «как говорят», -
Мораль читает гнусным тоном.
Он знает всё, он всё познал.
Вот только ВУЗов не кончал.

Одна звезда – и два просвета,
В ранжире звёзд зовут – майор.
Их было два – и долг поэта
О них продолжить разговор.
Вот замполит, майор Петровский,
Ну, а в народе – просто «Троцкий».
Продолжить? Не имею прав –
Народ всегда бывает прав.
Майор Зарицкий – зам. Пиздоси –
Лихой цыган, слегка орёт,
Живот – слегка, немного пьёт,
Но дело знает, если спросят.
Начальство всё. Один просвет
Остался нам – им счёта нет.

Любимиц всех – умелец Роткин,
Курятников – свой иль не свой,
И «Матюгальничек» короткий,
«Стукач», считающий порой
Ночами головы курсантов,
Коль Бог не дал других талантов,
И командир наш – сущий фронт –
Уколов, старший лейтенант.
Каких он нам ни плёл рассказов –
За лагеря, за Крымский брег,
За жизнь – хороший человек,
И женщин, по одной и сразу,
От Ромула до наших дней
Любил он в юности своей.

Внутри красивейших пеналов
Под сладкой маской свояка,
Таких, как капитан Минайлов,
Увы, мильон, наверняка.
Он задушевным разговором
Конец положит всяким спорам,
Спокойно руку вам подаст,
А отвернётся – и продаст.
Ему нужны – тогда он сразу
Ваш, только ваш он лучший друг,
Налёт небрежности – и вдруг
Разжалобит своим рассказом.
Но чтоб не выползла слеза –
Смотри, как бегают глаза.

Старшин плеяда заводная,
Как их: Костыль Ветеринар –
Тот, что лечил меня, вздыхая,
Вишь, глаз болит – ведь не пожар?
А одного сейчас опишем
Из тех, что забрались повыше.
Вопрос бьёт в очи, словно бич:
Откуда взял он свой «Москвич»?
Тут нужен опыт – и не малый –
Из двадцати солдатских грамм
Сначала сделать килограмм
И превратить из мяса в сало.
Ах, чёрт, момент я не учёл,
Что он – хохол, и я хохол.

Портреты мы пока оставим,
Теперь возьмемся за пейзаж.
Бог потрудился здесь на славу –
За дачу здесь и жизнь отдашь.
Прохладный воздух обнял землю,
Цветок ромашки жмётся к стеблю,
Чуть за забором – сразу лес
Воруется облака с небес.
Закат пленяет нежно гаммой,
Луна крадётся средь вершин,
Молчит дорога – и в тиши
Бежит к реке поток упрямый.
И климат здесь вполне здоров,
Еще убрать бы комаров.

Но от идиллии библейской
Вернёмся к жизни боевой,
Закат не входит в быт армейский,
Здесь есть «подъём» или «отбой».
Чтоб изменить наш облик штатский
К нам был приставлен Саша
Швацкий.
По разделенья делай раз!...
Он был на год моложе нас.
И сам ходил, как на картинке,
Но мы с ним быстренько сошлись,
Как первых дней утихла рысь,
И за палаткой грели спинки.
Характер прост – чтоб не был в лоб
За ним ответ – там, хоть потоп.

Сейчас прошу не удивляться,
Местами будет вам смешно,
Но в жизни много ситуаций,
Где всё понять не всем дано.
Примеры: как мозги плебея
Способны выродить идею,
Сейчас представлю вам на суд,
Всё без прикрас – всё правда тут.
Родившись в муках Петрограда
Наш полк прошёл красивый путь,
Он подставлял под бомбы грудь,
А сбитый «мессер» был наградой.
Он многим «птицам» дал покой
И у Баку, и под Москвой.

Но кровью добытою славой
Мы не умеем дорожить,
Конфетной делаем забавой
И начинаем ею жить.
За ровной линией парада,
Под транспарантов маскарадом
Мы забываем о душе,
И с лёгким трепетом ушей
Мы ждём начальства спозаранку,
И не для сердца своего,
А для начальства одного
Полк красил эти транспаранты.
Так на высоких мыслей звень
Потёмкинская пала тень.

Ведь это надо догадаться
Весной белить уж талый снег,
Как будто глупость декораций
Замедлить может буйный бег
Ручьев весенних. Или тропы
Что вытоптал солдатский топот,
Чтоб крепче затвердить устав,
Закрасить в зелень летних трав.
Зелёный цвет всегда согреет
Начальства глаз, а что «Волхов»
По сути, к бою не готов,
Авось, заметить не успеет.
Буде этих дурней были б мы
Намного более сильны.

Глава 2.

Свежа вечерняя прохлада,
Лишь нежный комариный писк
Волнует и влечёт, а рядом
Румяный блин – светила диск.
Храпит наряд в уютной будке
Слегка застенывиво и чутко,
А над поляной тишина
И только бледная Луна
Всё видит, но молчит, сияя...
Ничто не вечно под луной –
Пока покой в тиши ночной,
Лишь жалобно Айказ играет.
Но не поверим мы луне:
Тишь лишь внутри, а что же вне?

Хотя, посмотрим за Айказом.
Вот он гитару отложил
И удалился, но не сразу,
А мягко-мягко отвалил.
Ещё две тени тихо скрылись,
В углу забора молча смылись,
Ну что ж. пойдём за ними вслед.
Чего здесь ждать? Пойдём на свет
Костров лесных, что нас манили
Уж с первых дней, когда ещё
Был выход строго запрещён,
А в самоволки не ходили.
Вперёд к свободе, к свету – там
Пожрать дадут, и много дам.

Ах, что за диво песня льётся,
Умолк весёлый разговор,
И даже пламя тише вьётся,
Стремясь послушать стройный хор.
Внимают все – на что за песня!
Прозрачней слёз, вина чудесней!
Кто за собою хор ведёт,
Так громко, хорошо поёт?
Теперь наверняка услышит
Мольбу, и страстно, и легко
Из гроба встанет Сулико.
Но хор замолк. Толпа не дышит.
Оваций мы не ждём, народ,
Подай нам лучше бутерброд.

Оставим певунов голодных
В кругу палаточных дриад,
И дальше в путь, пока наш взводный
Не заорал «Отбой!». Закат
Невольно сделает поэтом –
Щедра природа знойным летом,-
Багрянец зорь и сень дубрав,
И щебет птиц, и запах трав,
И сена колкая перина,
Пространств межзвёздных путота,
Колосьев тяжких густота,
И кучерявая рябина,
От родника в отчаяньи зуб,
И мягкий шёпот горьких губ.

Что шепчут эти два коралла
В объятьях друга моего?
Что отраженье вдруг попало
В холодный блеск очков его?
Э, нет, оставим имя в тайне,
Я к чести щепетилен крайне.
Да и зачем вам это знать?
Она – его, как ни назвать.
Забор – влюблённым не преграда,
Закон тот с рыцарских времён
Живёт. Но здесь он применён –
Мужчины в клетке – вот досада!
Всё наизнанку в этом сне –
То лез он внутрь, теперь – вовне.

О, это неги упоенье,
В волненьи грудь, зовущий взгляд,
В крови горячее кипенье,
А губы шепчут и манят...
Но нет гармонии! – К собору
Сирена воет за забором,
Как где-то в Африке там-там.
«Пардон, мадам, меня ждут там».
Оставив женщину в отчаяньи,
Он мчит по полю сквозь бурьян,
Он – дома деспот и буян,
А здесь – послушное создание.
Зверь в клетку не помчит вовек –
Так может только человек.

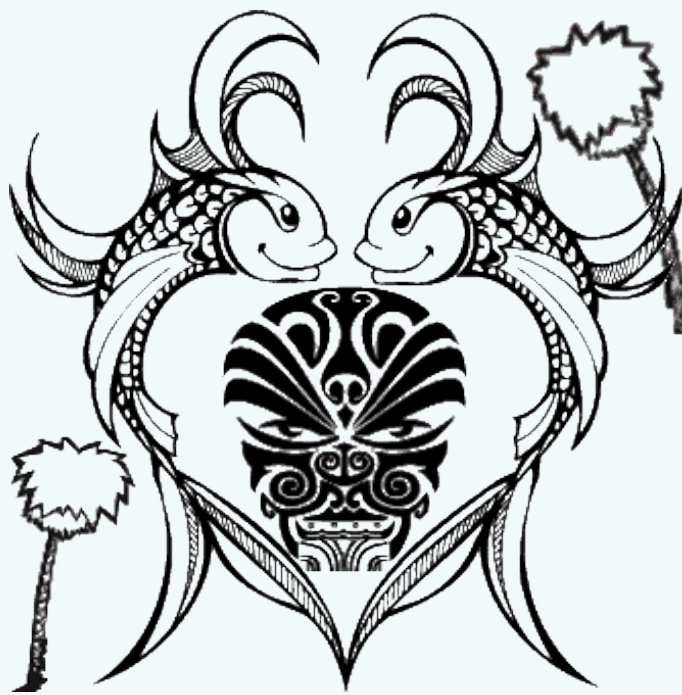

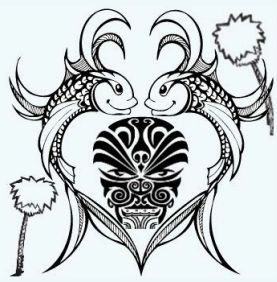
И в клетке делает попытку
Создать иллюзия свобод,
Но все попытки очень жидки,
Чуть-чуть угроз – и в строй встаёт.
Ну а сейчас он мчит в палатку –
С муштрой тягаться – ох не сладко.
Одев на голову штаны,
Скорей на пост – уже видны
Его очки в зелёном свете
Приборных ламп... Оставят след
В его воззрениях на свет
Воспоминания о лете.
Да, лето-70 все мы
Запомним. Время. Ночь. Увы

Пора кончать, хоть расставаться
Мне с вами жаль. Но брезжит свет
Сквозь полотно палатки. Швацкий
Сейчас поднимет нас. Поэт
Начнёт наматывать портянки,
Есть сало с бромом, толокнянку.
Стоять в наряде в N-й раз
И часто вспоминать о Вас.
Просить прощения за грубость,
Тяжёлый стиль сего письма –
Мы огрубели здесь весьма.
Да и начальства давит тупость.
Настал прощанья апогей.
Поклон. До скорого. Сергей.

*Архангельское-Москва-Черновцы-Варшава-Черновцы-Москва.
Лето-осень 1970 г.*

07/07/07

Тюк
Сволочи
когда

сгарел
манетр.
Сикретарша.

опоздание-
снимут \$ 50
аноним

ИДИОТ
Ты поже

ЖИЖИ!
КСТАТИ,
Вы уволены
шеф.

Минуска
повелилась!

Сикретарша.

сохраняем знания

Жалобная книга

Жалобная книга

Кино Бинбоинг?
Ну и so be kind

где
картри

КСТАТИ!
ты мне
должен

точно
АЙДИ

Гудит
клавеатура
Сикретарша

Книга Жалоб и Приложений
Stone-Blind, Deaf & Dumb SYSAdmin
САг СНГ: "Фрэнк" от Ютюр Multer.ru

КУНСТКАМЕРА ERRATA: TERRARIUM

у В а с

Т у

DEAL URL

TERROR IS HUMAN!

Not Found

Человеку
своейственно
ошибаться!

404

сохраняем знания

СисАд

Ваша
реклама
могла бы
быть
здесь!

Как умел,
так и поклеил...

Книга

Откровений и Мудрости, Ошибок и Заблуждений
СКОМУНИЗИЛИ ОШИБКИ УМЕЛЬЦА ОТ multer.ru

Стучите на сайт <http://www.msups1972.msk.ru/>
и нашу группу "Физфак выпуск 1972"

"Телеграмм": <https://t.me/+d9OQP2bktq4yYWVh>

"Кацап": <https://chat.whatsapp.com/Eg9CiHENKMB7wGQOUiWTVE>

По телефону

В почту

